

Остальные телохранители, получив приказ, продолжили охоту, а Фу Юйшань и И Сьюань последовали за ними обратно в лагерь.

В палатке остались только Фэн Хань и Мо Цинъюнь. Мо Цинъюнь всё это время следил за состоянием тигрёнка, осмотрел его — казалось, тот не ранен. Вероятно, мать спрятала его, когда её убили. Подумав об этом, Мо Цинъюнь снова нахмурился.

Матери, наверное, одинаковы во всём мире — будь то звери или люди. Прошлое как на ладони: увидев тигрёнка, Мо Цинъюнь вспомнил себя в те годы и детей, сбежавших вместе с ним.

Фэн Хань заметил, что лицо Мо Цинъюня снова потемнело, и очень встревожился:

— Цинъюнь, если тебя что-то тревожит, расскажи мне.

Мо Цинъюнь очнулся и посмотрел на Фэн Ханя. Глаза его были полны грусти. Все эти годы ненависть врагов, уничтоживших его племя, как камень давила на сердце. И Сьюань и другие были ещё детьми, когда они потерялись. С ним остался только один мальчик, на два года младше его, и он не знал, где тот сейчас.

— Ваше высочество, это тигрёнок просто навеял воспоминания о прошлом, мне стало грустно.

Фэн Хань в целом догадался, что это связано с теми событиями. Когда племя Юй было истреблено, Мо Цинъюню было всего двенадцать лет:

— Увидев этого тигрёнка, ты вспомнил, как родители прятали тебя?

Мо Цинъюнь кивнул. Даже если бы он не сказал, Фэн Хань наверняка бы догадался:

— В то время я был точно таким же, как этот тигрёнок: мать спрятала меня, а они...

Фэн Хань увидел, что Мо Цинъюнь вот-вот расплечется, подошёл ближе и обнял его:

— Если не хочешь говорить — не надо.

Мо Цинъюнь покачал головой. Об этом нужно было рано или поздно рассказать:

— Ваше высочество, Цинъюню очень тяжело. Я никогда никому об этом не говорил.

— Цинъюнь, сколько человек тогда сбежало?

— Всего пятеро: я, Сьюань и ещё трое детей. Один был младше меня на два года, а двое — на год младше Сьюаня. Но мы разошлись. Это я не смог их защитить. Они были такими маленькими, и среди них была девочка.

Мо Цинъюнь уже плакал, рассказывая это. Фэн Хань видел его страдания, и сердце разрывалось от тупой боли. Сейчас любые слова были бессмысленны.

Фэн Хань мог только слушать, как Мо Цинъюнь в слезах извинялся перед матерью, говорил, что плохо ухаживал за братьями и сёстрами, что не знает, живы ли они, и умолял небеса дать им шанс выжить.

Фэн Хань вздохнул и крепче обнял Мо Цинъюня. Человек на руках у него уже разрыдался в пух и прах. Вероятно, эти тяжкие мысли годами давили на него, но Сьюань был слишком мал, и Цинъюнь не мог излить ему душу, вынужден был всё терпеть в одиночку.

А в прошлой жизни он, Фэн Хань, равнодушно относился к Цинъюню, позволил ему в резиденции князя жить как придётся. И в конце концов Цинъюнь решил умереть вместе с ним, оставив месть за родной дом и своих близких, чтобы последовать за ним. Такому подлецу, как он, выпал шанс снова обнять этого человека.

Фэн Хань стиснул зубы, сдерживая ненависть в сердце. Эта ненависть была направлена не только на предателей прошлой жизни, но и на него самого.

Мо Цинъюнь незаметно для себя уснул, даже во сне продолжая всхлипывать. Фэн Хань держал на руках спящего человека, сердце болело так, что трудно было дышать. Как бы он ни сожалел, теперь всё началось сначала.

Фэн Хань знал, что однажды расскажет Мо Цинъюню всё, расскажет, каким подлецом был в прошлой жизни, а затем предоставит Цинъюню решать, простить ли ему и захотеть ли провести с ним остаток дней. Но до этого момента он будет относиться к нему вдвойне лучше. Если тот Цинъюнь не сможет простить, он будет умолять его; где бы ни был Цинъюнь, он последует за ним до самого исчезновения души.

Когда Мо Цинъюнь проснулся, уже наступил вечер.

Оглядевшись по сторонам, он вспомнил, где находится. Глаза немного болели, наверное, от того, что плакал. Хотя он и вспомнил о только что случившемся, камень, давивший на сердце, словно отодвинулся, и стало легче дышать, чем раньше.

Фэн Хань вошёл с водой и увидел проснувшегося Мо Цинъюня:

— Цинъюнь, проснулся? Умойся, будем ужинать.

Мо Цинъюнь увидел, что Фэн Хань ставит воду на подставку, и резко сел:

— Ваше высочество, как вы можете делать такое?

Фэн Хань, видя, что Мо Цинъюнь переживает за него, почувствовал тепло в сердце:

— Почему нельзя? Вставай.

Он подошёл к Мо Цинъюню и помог ему подняться. Подойдя ближе, заметил, что глаза Цинъюня покраснели: видимо, он слишком много плакал, проспал три часа и пропустил обед.

— Ты голоден? Вставай.

Фэн Хань наблюдал, как Мо Цинъюнь приводит себя в порядок, затем вышел из палатки и позвал Юань Синя подать еду. Вскоре служанки внесли ужин. Хотя людей взяли немного, их хватило.

Мо Цинъюнь тихо ужинал, изредка поглядывая на Фэн Ханя, который охранял его рядом:

— Ваше высочество, вы уже ели?

Фэн Хань тихо кивнул:

— Не волнуйся, Сюань тоже уже поел.

Мо Цинъюнь улыбнулся, кивнул и снова принялся за еду. Только наевшись, он почувствовал,

что силы вернулись. После долгого плача казалось, что он выплакал всю свою энергию.

— Ваше высочество, я заснул. Всё в порядке?

Фэн Хань понял, о чём спрашивает Мо Цинъюнь:

— Император и остальные уже отправились во внутренний дворец отдыхать, мы останемся в палатках.

Мо Цинъюнь огляделся, кивнул, встал и обошёл палатку кругом:

— Ваше высочество, когда вы воюете, вы тоже живёте в таких палатках?

Фэн Хань встал и пошёл рядом с Мо Цинъюнем. Услышав вопрос, он перевёл взгляд:

— Не такие роскошные и просторные, как эта.

— Тоже верно, иначе бы разбивать лагерь было слишком неудобно. Ваше высочество, вам досталось, — Мо Цинъюнь улыбнулся, обернувшись к Фэн Ханю.

Фэн Хань нахмурился, видя, как Мо Цинъюнь заставляет себя улыбаться, потянулся и погладил его по щеке:

— Если не хочешь улыбаться — не надо. Мне больно это видеть.

Улыбка Мо Цинъюня постепенно угасла. Он посмотрел на Фэн Ханя, который был намного выше, и бросился к нему в объятия. Фэн Хань на мгновение замер, затем обнял человека, бросившегося к нему:

— Я здесь.

— Ваше высочество, хорошо, что у Цинъюня есть вы, — Мо Цинъюнь крепко обнял Фэн Ханя, уткнувшись ему в грудь и слушая сердцебиение. — На самом деле мне уже не так тяжело.

— Ваше высочество, сегодня, рассказав об этом, я почувствовал себя намного лучше, на душе стало легче.

Фэн Хань погладил тёмные волосы Цинъюня, наклонился и поцеловал его в макушку:

— Хорошо. Если захочешь ещё что-то сказать — расскажи мне. В будущем любые печали мы будем делить пополам.

Мо Цинъюнь помолчал немного, затем ответил:

— Тогда и ваше высочество поступайте так же, хорошо?

На этот раз замер Фэн Хань. Он понял, что имел в виду Мо Цинъюнь. За эти дни перемены в нём Мо Цинъюнь, должно быть, немного заметил. Из-за того сна о прошлой жизни у него в сердце добавилось ещё больше тревог, но пока он не мог рассказать об этом Цинъюню. У него пока не было уверенности, что тот, узнав о прошлой жизни, не покинет его.

— Цинъюнь, как бы я хотел, чтобы ты не был таким умным и не жил бы с такими трудностями.

Мо Цинъюнь, услышав вздох Фэн Ханя, тихо рассмеялся. Смех был чистым и звонким,

хотелось, чтобы он всегда так смеялся. Именно таким он и должен был быть.

Фэн Хань крепче обнял его и снова поцеловал тёмные волосы Цинъюня:

— Со временем я расскажу тебе обо всём. Многие вещи я скрываю от тебя, потому что не хочу добавлять тебе горя, а не потому, что хочу утаить. Когда будет подходящий момент, я обязательно расскажу всё без утайки.

— Цинъюнь понимает. Как же он может не понимать намерений вашего высочества? Но Цинъюнь тоже любит ваше высочество и не хочет, чтобы вы сами терпели эту боль, — Мо Цинъюнь, уткнувшись в грудь Фэн Ханя, произнёс эти прямые слова сладким голосом.

Фэн Хань обнимал Мо Цинъюня, они нежно побыли вместе. Мо Цинъюнь вспомнил о делах перед сном и о тигрёнке:

— Ваше высочество, а где тигрёнок?

— Не волнуйся, он в палатке у Юйшаня и Сьюаня.

Только что он заботился о Цинъюне и у него совсем не было времени на тигрёнка, поэтому пришлось оставить его И Сьюаню.

Мо Цинъюнь, услышав это, успокоился. Тигрёнок потерял мать, и на душе у него, конечно, тоже было тяжело:

— Ваше высочество, можно мне оставить тигрёнка?

— Конечно. Если хочешь что-то сделать, тебе не нужно просить у меня разрешения.

Мо Цинъюнь с благодарностью снова крепче обнял Фэн Ханя:

— Мне просто жаль тигрёнка, потерявшего мать. Давайте не будем охотиться на таких животных, хорошо?

— Хорошо, — Фэн Хань согласился очень охотно. — Охота — это тоже своего рода удовольствие, но тигры, медведи, волки и подобные хищники убиваются в основном только при нападении. Обычно их охотники добывают на продажу, ведь такие животные ценны целиком. Но если Цинъюнь говорит не охотиться — значит, не будем охотиться.

<http://bllate.org/book/16598/1517100>